Археологические вести

— 32 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Т. Кашуба (отв. редактор), Ю. Г. Кутимов, В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, А. В. Фрибус

Издательская группа:

А. В. Гилевич (переводы), Т. С. Дорофеева, В. П. Никоноров (переводы), Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 32** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2021. — 464 с.: ил.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёшкина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилеям, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».

Издание адресовано археологам, историкам, студентам.

Issue 32 of the journal “Archeological News” is dedicated to the anniversaries of three employees of the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, IIMK RAS: V. A. Alyokshin, V. I. Raspopova and L. B. Kircho. Most of the published articles are in one way or another related to the history and archeology of Central Asia of different eras. The issue includes essays dedicated to the heroes of the day, and articles on the most ancient and antique periods of the history of this region by authors from Russia, Ukraine, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Great Britain, Germany, Italy, France, Switzerland. Also presented are the traditional sections “New Research and Discoveries”, “Reviews and Reviews” and “History of Science”.

The publication is addressed to archaeologists, historians, students.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — бронзовая печать, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 1815/1405)

First page of cover — Bronze seal from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405)

Четвертая страница обложки — серебряная булавка, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 168)

Fourth page of cover — Silver pin from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 168)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино в контексте оснащения лучника в западной части Старого Света

Р. А. Мимоход, А. Н. Усачук, А. В. Вербовский¹

Аннотация. Статья посвящена анализу редкой категории инвентаря — каменным брускам с двумя перетяжками, которые являются четкими культурно-хронологическими маркерами. В Восточной Европе такие бруски известны только в материалах днепро-донской и волго-донской бабинских культур; время их использования ограничено пределами XXII cal BC, что соответствует верхней границе времени их существования на Ближнем Востоке, в Центральной и Западной Европе в пределах периода BzA1. По своему функциональному назначению бруски — защитные накладки на предплечье лучника, предохраняющие от удара тетивы. Анализ ситуативного расположения защитных накладок в погребениях позволяет определить три позиции их повседневного использования: небоевую, предбоевую и боевую. Экспериментальное моделирование показало, что защитная накладка закреплялась при помощи кожаного нарукавника со шнуровкой.

Annotation. This paper is devoted to analysis of a rare category of artefacts — stone bars with two constrictions which present distinct cultural and chronological markers. In Eastern Europe these bars are known only among materials of the Dnieper-Don and Volga-Don Babino cultures; the time of their use is limited to within the 22nd century cal BC corresponding to the upper boundary of the period of their occurrence in the Near East, Central and Western Europe in the BzA1 period. Their functional purpose was to serve as protective mounts on the forearm of an archer preserving from the shock of the bow string. Analysis of the arrangement of the protective mounts in burials allows us to define three cases of their everyday use: noncombat, prior-combat and fighting situations. Experimental simulation has shown that the protective mount was fixed by means of a leather oversleeve with a lacing.

Ключевые слова: Восточная Европа, культурный круг Бабино, каменный брусок, защитная накладка, оснащение лучника, хронология.

Keywords: Eastern Europe, Babino cultural circle, stone bar, protective mount, archer's outfit, chronology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-386-401

В финале среднего бронзового века в Восточной Европе сформировался блок посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005), который состоит из двух культурных кругов — Бабино и Лола (Мимоход, 2016). Археологиче-

ские материалы всего посткатакомбного блока (ПКБ) демонстрируют активные межкультурные связи, особенно с Европой и Кавказом, однако фиксируются и дальние (дистанционные) контакты с Ближним Востоком, Западной Сибирью и Средней Азией. В качестве примера связей с последним регионом можно привести комплекс Нуртай 6/2² нуртайской культуры Центрального

¹ Мимоход Р. А. — Отдел бронзового века, Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mimokhod@gmail.com. Усачук А. Н., Вербовский А. В. — Отдел археологии, Донецкий краеведческий музей; ул. Челюскинцев, д. 189-А, Донецк, 283048, Украина; e-mail: doold@mail.ru; verbovskiyy@ro.ru.

² Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Нуртай 6/2 соответствует — могильник Нуртай, курган 6, погребение 2.

Казахстана, в котором найдена кольцевидно-узкопланочная пряжка посткатакомбного облика (Ткачев, 2002. Рис. 69, 34). Добавим, что отдельные районы Северного Казахстана входили в ареал волго-уральской культурной группы, которая является неотъемлемой частью посткатакомбного мира (Мимоход, 2018а. Рис. 1). Поэтому изучение артефактов и других объектов этой огромной общности представляет несомненный интерес для исследования как европейских, кавказских, ближневосточных, так и центральноазиатских культур.

Типы встречающихся каменных брусков

В погребениях культурного круга Бабино изредка встречаются *каменные бруски с двумя перетяжками* (рис. 1). По данным Р. А. Литвиненко, в материалах днепро-донской бабинской культуры (ДДБК) известно семь таких изделий (Литвиненко, 2009а. С. 76): пять из них опубликованы (рис. 2, 2, 23, 33, 42, 46, 48 — Ковалева и др., 1987. С. 20, рис. 6, 11–13; Ильюков, Казакова, 1988. С. 53, рис. 13, 1–3; Ванчугов, 1990. С. 124, рис. 40, 3; Попандопуло, 1991, рис. 2, 7; Литвиненко, 2007. Рис. 1, 45). Все они обнаружены в погребениях раннего этапа ДДБК и являются его четким хронологическим индикатором (Литвиненко, 1997. С. 32)³.

³ Культурно-хронологическая атрибуция погребения 6 Владимировского кургана, в котором обнаружен брусок с двумя перетяжками (рис. 2, 33), вызвала многолетнюю дискуссию. Его относили к нескольким культурам: бабинской (Klochko, 2001. Р. 177; Клочко, 2006. С. 147), сабашиновской или бережновско-маевской срубной (Отрощенко, 2001. С. 184; 2011), белозерской (Ванчугов, 1990. С. 124) и черногоровской (Гершкович, Разумов, 2009). Ключевое значение для установления хронологии этого комплекса имеет каменный брусок с двумя перетяжками, потому что эти изделия не датируются позднее периода VzA1, по П. Райнеке (Turek, 2013, Р. 18; 2015. Р. 29). Это положение полностью подтверждается данными погребений культурного круга Бабино, в которых эти изделия маркируют фазу ПКБ I (Мимоход, 2021. Ил. 13), которая соответствует периоду VzA1 центрально-европейской хронологии. Попытка омоложения времени использования каменных брусков до периода существования срубной культуры за счет находки такого изделия в погребении грунтового могильника Червоний Шлях в Восточной Украине (Отрощенко, 2011. С. 17) выглядит неубедительной. Предмет происходит из погребения, разрушенного более поздней постройкой (Буйнов, 1992. С. 92), соответственно комплекс является открытым, что

Один брусок происходит из погребения волго-донской бабинской культуры (ВДБК) (рис. 2, 48 — Мимоход, 2013а. Рис. 3, 13). Здесь он также датируется ранним этапом ВДБК (Мимоход, 2021. С. 72, ил. 12, 11).

Самый восточный брусок, аналогичный бабинским, обнаружен в Южной Сибири в погребении елунинской культуры (рис. 3, 9 — см. Кирюшин, 2002. С. 54, рис. 121, 1), которая полностью синхронна бабинским древностям (Кирюшин и др., 2010. С. 562). Иными словами, даже самый удаленный от основных регионов распространения брусок с двумя перетяжками не датируется позже центральноевропейского периода VzA1 и восточноевропейской фазы ПКБ I.

В функциональном отношении бабинским брускам соответствуют *каменные бруски с двумя отверстиями*. На Северном Кавказе они известны по находкам в могильнике Саади Катар и кургане на шоссе у Нальчика (рис. 3, 7, 8 — Багаев, 1986, рис. 3, 21; Николаева, 2011. Рис. 70). Каменные оселки с двумя отверстиями по краям есть и на Ближнем Востоке. В частности, их находки происходят из комплексов Иерихона периода ЕВ–МВ (переходный период от раннего к среднему бронзовому веку по местной периодизации) и Мегиддо периода МВ I (рис. 3, 10, 11 — Guy, 1938. Pl. 23, 5; Kenyon, Holland, 1983. P. 816, fig. 368, 7, 8). В хронологическом отношении (XXIII–XIX вв. до н. э., в том числе с опорой на данные радиоуглеродного датирования — Kenyon, 1960. P. 2–3; 1965. P. 130; 1981. P. 504) это соответствует времени существования европейских и кавказских аналогов. Присутствуют эти изделия и в материалах Трои (Schliemann, 1881. S. 281, Nr. 102).

Каменные бруски с отверстиями и перетяжками достаточно широко известны в Западной, Центральной и Южной Европе. Большая часть их происходит из памятников культуры колоколовидных кубков, поздняя фаза которой синхронна посткатакомбному блоку. Такие изделия в культуре колоколовидных кубков являются своеобразной визитной карточкой. Известны бруски и в европейских культурах раннего бронзового века периода VzA1 (рис. 3, 13–20) (Köster, 1966.

не позволяет достоверно установить его культурно-хронологическую принадлежность. В свете выше сказанного погребение 6 Владимировского кургана следует рассматривать в контексте ранней бабинской культуры, что предполагал В. И. Клочко.

Рис. 1. Погребения культурного круга Бабино, в том числе комплексы с каменными брусками с двумя перетяжками: 1 — Владимировский курган, погребение 6; 2 — Пологи (Соколовская могила), погребение 1; 3 — Долгая Могила 4/17; 4 — Приволье 11/13; 5 — Новолакедемоновка, од. кург/10; 6 — Жутово I 80/2. Условные обозначения: а — погребения ДДБК; б — погребения ДДБК с брусками; в — погребения ВДБК; г — погребение ВДБК с бруском

Fig. 1. Burials of the Babino cultural circle including complexes with stone bars with two constrictions: 1 — Vladimirovsky Kurgan, burial no. 6; 2 — Pologi (Sokolovskaya grave), burial no. 1; 3 — Dolgaya Mogila 4/17; 4 — Privolye 11/13; 5 — Novolakedemonovka kurgan/10; 6 — Zhutovo I 80/2. Keys: а — burials of Dnieper-Don Babino Culture (DDBK); б — burials of DDBK with stone bars; в — burials of Volga-Don Babino Culture (VDBC); г — burial of VDBC with a bar

Рис. 2. Погребения культурного круга Бабино с каменными брусками с двумя перетяжками: А — Приволье 11/13 (1 — план погребения; 2 — брусок с двумя перетяжками; 3–12, 16–22 — отщепы; 13 — заготовка стрелы; 14 — отжимник; 15 — раковина); Б — Пологи (Соколовская могила), погребение 1 (23 — брусок с двумя перетяжками; 24, 25, 31 — ножи; 26 — кольцо; 27 — отщеп; 28, 29 — плитки; 30 — план погребения; 32 — выпрямитель); В — Владимировский курган, погребение 6 (33 — брусок с двумя перетяжками; 34 — сосуд; 35 — нож; 36–41 — отщепы); Г — Долгая Могила 4/17 (42 — брусок с двумя перетяжками; 43 — пряжка; 44 — план погребения); Д — Новолакедемоновка, од. кург/10 (45 — план погребения; 46 — брусок с двумя перетяжками; 47 — пряжка); Е — Жутово I 80/2 (48 — брусок с двумя перетяжками; 49 — отщеп; 50 — план погребения) (ссылки на источники — см. текст). 2, 23, 28, 29, 32, 33, 42, 46, 48 — камень; 3–13, 16–22, 27, 36–41, 49 — кремь; 14, 43, 47 — ро; 15 — раковина; 24, 25, 31, 35 — бронза; 26 — кость; 34 — обожженная глина. Масштаб: а — для 1, 30, 44, 45, 50; б — для 2–27, 31–33, 35–43, 46–49; в — для 28, 29; г — для 34

Fig. 2. Burials of the Babino cultural circle with stone bars with two constrictions; plans: А — Privolye 11/13 (1 — plan of the burial; 2 — bar with two constrictions; 3–12, 16–22 — flakes; 13 — blank for an arrowhead; 14 — pressure flaker; 15 — shell); Б — Pologi (Sokolovskaya grave), burial no. 1 (23 — bar with two constrictions; 24, 25, 31 — knives; 26 — ring; 27 — flake; 28, 29 — tiles; 30 — plan of the burial; 32 — shaft straightener); В — Vladimirovsky Kurgan, burial no. 6 (33 — bar with two constrictions; 34 — jar; 35 — knife; 36–41 — flakes); Г — Dulgaya Mogila 4/17 (42 — bar with two constrictions; 43 — buckle; 44 — plan of the burial); Д — Novolakedemonovka, kurgan/10 (45 — plan of the burial; 46 — bar with two constrictions; 47 — buckle); Е — Zhutovo I 80/2 (48 — bar with two constrictions; 49 — flake; 50 — plan of the burial) (for references see the text). 2, 23, 28, 29, 32, 33, 42, 46, 48 — stone; 3–13, 16–22, 27, 36–41, 49 — flint; 14, 43, 47 — horn; 15 — shell; 24, 25, 31, 35 — bronze; 26 — bone; 34 — baked clay. Scale: а — for 1, 30, 44, 45, 50; б — for 2–27, 31–33, 35–43, 46–49; в — for 28, 29; г — for 34

Taf. 11, 2, 3, 12; 18, 36; 20, 13; 27, 12; Müller-Karpe, 1974. Taf. 513, C3; 516, F3; 517, A6; 543, G23–26; 568, B49–51; 572, C4; 596, F9; Sangmeister, 1974. Abb. 8, F, G; Bóna, 1975. Taf. 16, 11; 26, 5; Gebers, 1978. Taf. 24, 39, 43, 44; 30, 9; 37, 8, 9, 11, 13; 41, 10; 42, 3; 48, 9, 10; 51, 1; 55, 2, 3; 56, 25; 61, 6; 68, 12; Ondráček, Šebela, 1985. Tabl. 18, 9; 20, 18; 26, 16; 28, 17; Fokkens et al., 2008. Fig. 1 и др.). В Европе преимущественно представлены бруски с двумя отверстиями (рис. 3, 13–15). В меньшей степени, но довольно часто встречаются предметы с четырьмя парными отверстиями по краям (Sangmeister, 1974. Abb. 2, 2; 8, A–E; Köster, 1966. Taf. 10, 20; 11, 1; 19, 2, 4; 20, 2, 7; 27, 8, 11; Müller-Karpe, 1974. Taf. 514, A8; 516, B3; 517, C2, E5, J2, H2; 636, F1; Machnik, 1987. Рис. 18, 4–6, 10, 11; 25, 11; 26, 6; Makarowicz, 2003. Fig. 10, 1, 2, 6, 7; Peška, 2004. Obr. 17, 9, 10; 21, 20; и др.). Известны случаи, когда на брусках было просверлено шесть отверстий: по три по краям (Müller-Karpe, 1974. Taf. 514, F1; Gramsch, 1995. S. 305, 3; Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch., 1998. Abb. 9, 8; Endrődi, 2003. Fig. 9, 1; Makarowicz, 2003. Fig. 10, 3; 14, 1; Peška, 2004. Obr. 12). Редко встречаются изделия с тремя отверстиями: два на одном конце и одно на другом (Müller-Karpe, 1974. Taf. 515, J1; 527, A2; Harrison, 1980. Fig. 26, 5; Schlosser, 1995. S. 89, 19; Heyd, 1998. Abb. 2). Наконец, необычным выглядит брусок с восемью отверстиями: два из них — по краям изделия по центральной продольной оси бруска, а под ними — еще по ряду из трех отверстий с двух сторон (Gramsch, 1995. S. 305, 4, 5). Уникальным является брусок с 18 отверстиями, по девять с обеих сторон, имеющих к тому же золотые заклепки (Smith, 2006. Fig. 6.1). Известны также богато орнаментированные накладки с отверстиями, сделанные из оленьего рога (Loze, 2003. P. 132, fig. 11).

Судя по всему, в Европе, на Кавказе и Ближнем Востоке доминируют бруски с отверстиями по краям (рис. 3, 7, 8, 10–16), а все известные восемь изделий в культурном круге Бабино (семь — ДДБК, одно — ВДБК) представляют собой экземпляры с перетяжками (рис. 3, 1–6). Следует отметить, что среди европейских присутствуют бруски с желобками, аналогичные бабинским (рис. 3, 17–20). Хотя они известны в культурах колоколовидных кубков, Нитра и Унтервельблинг (Pittioni, 1954. S. 258, abb. 188; Ondráček, Šebela, 1985. Tabl. 6, 9; 11, 29; Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch., 1997. Taf. 513, verb. 393, 4), но представлены несколькими экземплярами, так как преобладают изделия с отверстиями по краям. Неудивительно, что каменные бруски с перетяжками не были включены в известные классификации этих изделий, которые касались только предметов с отверстиями (Clarke, 1970; Sangmeister, 1974; Smith, 2006; Woodward et al., 2006; Fokkens et al., 2008; Turek, 2015), хотя они так же уверенно отнесены к защитным накладкам на запястья лучников (Turek, 2015. P. 31).

Очевидно, что функциональное назначение брусков с отверстиями и перетяжками одинаковое. Различается только система креплений: в одном случае они привязывались посредством пропуска шнура через отверстия, в другом — шнур обвязывался вокруг желобка. Назначение каменных брусков с отверстиями или перетяжками долгое время было дискуссионным, но на сегодняшний день оно установлено. Эти изделия, выступающие в качестве атрибутов мужских захоронений, обычно расцениваются как защитные накладки на запястья лучников (bracers или wristguards) (Sangmeister, 1964; 1974; Harrison, 1977. P. 160; 1980. P. 52–55; 2007. P. 105; Fokkens et al., 2008), реже — как точильные камни

Рис. 3. Каменные бруски с перетяжками и отверстиями в западной части Старого Света: 1 — Жутово I 80/2; 2 — Пологи (Соколовская могила), погребение 1; 3 — Приволье 11/13; 4 — Долгая Могила 4/17; 5 — Новолакедемновка, од. кург/10; 6 — Владимировский курган, погребение 6; 7 — Саади Катар; 8 — шоссе у Нальчика; 9 — Елунинский грунт. мог.-I, погребение 1; 10 — Мегиддо, погребение 912a; 11 — Иерихон; 12 — Троя; 13 — Ангелу Рую (Anghelu Rujū); 14 — Эммен, провинция Дрентхе (Emmen, Prov. Drenthe); 15 — Сабатас (Sabatas) курган 1; 16 — Нитре-Чермань (Nitre-Čermáni); 17 — Францхаузен (Franzhausen), погребение 393; 18 — Холленбург (Hollenburg); 19 — Холешов (Holešov), погребение 46; 20 — Холешов (Holešov), погребение 84 (ссылки на источники — см. текст)

Fig. 3. Stone bars with constrictions and holes from the western part of the Old World: 1 — Zhutovo I 80/2; 2 — Pologi (Sokolovskaya grave), burial no. 1; 3 — Privolye 11/13; 4 — Dolgaya Mogila 4/17; 5 — Novolakedemonovka, kurgan/10; 6 — Vladimirovsky Kurgan, burial no. 6; 7 — Saadi Katar; 8 — highway near Nalchik; 9 — Yelunin flat-cemetery-I, burial no. 1; 10 — Megiddo, burial no. 912a; 11 — Jericho; 12 — Troy; 13 — Anghelu Rujū; 14 — Emmen, Prov. Drenthe; 15 — Sabatas, barrow 1; 16 — Nitre-Čermáni; 17 — Franzhausen, burial no. 393; 18 — Hollenburg; 19 — Holešov, burial no. 46; 20 — Holešov, burial no. 84 (links to sources — see text)

(Harrison, 1980. P. 53; 2007. P. 155) или предметы полифункционального назначения: накладки и оселки (Healy, Harding, 2004. P. 185; Harrison, 2007. P. 105). В последнем случае, являясь по своему прямому назначению защитной накладкой, бруски из кристаллических пород хорошо подходили для заточки ножей и других режущих инструментов.

В советской, российской и украинской специальной литературе рассматриваемые предметы именовались оселками, точильными брусками, точилами (Ванчугов, 1990. С. 124; Попандонуло, 1991. С. 69; Буйнов, 1992. С. 92; Литвиненко, 1997. С. 32; 2006. С. 178; 2009а. С. 90, 265, 292, 298; 2009б. С. 7; Отрощенко, 2001. С. 184)⁴, и только в последнее десятилетие их стали называть щитками для защиты запястья лучников (Гершкович, Разумов, 2009. С. 134; Отрощенко, 2011. С. 16, 17; Мимоход, 2013б. С. 250; 2018б. С. 265).

Варианты размещения каменных брусков в погребениях

Действительно, бруски с перетяжками и отверстиями служили для защиты предплечья от удара тетивы лука. Для оселков, которые носились на поясе, достаточно было одной перетяжки или одного отверстия: таких изделий известно множество — от эпохи бронзы до средневековья. Перетяжки или отверстия на двух концах брусков были предназначены для того, чтобы при помощи шнура или ремня жестко фиксировать изделие на внутренней части предплечья руки. Об этом свидетельствуют находки брусков *in situ* именно в районе или прямо на костях запястья (Fokkens *et al.*, 2008. P. 112–117, fig. 2–10; 14–34; Turek, 2015. P. 37). Правда, в последней работе приведены погребения, в которых находились накладки с отверстиями. Однако есть случаи, когда и бруски с перетяжками находились в районе предплечий:

⁴ Следует отметить, что в одном из первых упоминаний этой категории инвентаря в указанной выше литературе термин «оселок» авторами публикаций был взят в кавычки (Ильюков, Казакова, 1980. С. 108; Ильюков, 1983. С. 39). Видимо, тем самым они подчеркивали определенную условность этого названия с точки зрения функционального назначения предмета из Новолакедемоновки (рис. 3, 5). В итоговой монографии Л. С. Ильюков и Л. М. Казакова указали, что в бабинском погребении найдена каменная «полированная пластинка с двумя перетяжками на концах» (Ильюков, Казакова, 1988. С. 53), но без уточнения ее назначения.

погребения 46 и 84 могильника Холешов (Holešově) в Чехии (Ondráček, Šebela, 1985. Obr. 29; 43).

Из шести опубликованных бабинских погребений с защитными брусками с двумя перетяжками в одном комплексе изделие находилось у предплечья руки (рис. 2, 42, 44). В Приволье 11/13 каменная накладка находилась среди предметов, связанных с набором стрелоделов: парные выпрямители древков стрел, кремневые отщепы, заготовки стрел (рис. 2, 1–22). В Пологи (Соколовская могила), погребение 1, в состав инвентаря также входили предметы, связанные с изготовлением стрел (рис. 2, 23–32). В погребении 6 Владимировского кургана обнаружен набор кремневых отщепов, который, скорее всего, следует рассматривать в качестве либо сырья для изготовления стрел, либо орудий на отщепах для обработки древков и/или изготовления луков (Смирнов, 1983. С. 171; Санжаров, 2008. С. 39, 43). В Жутово I 80/2 накладка лежала в отдалении от скелета напротив плеч вместе с кремневым отщепом (рис. 2, 48–50). Вероятно, такое сочетание также в редуцированном виде могло указывать на связь накладки с процессом изготовления стрел, где отщеп мог выступать в качестве сырья или орудия для изготовления деревянных деталей набора лучника. Иными словами, в пяти из шести комплексов (рис. 2, А–Г, Е) прослеживается связь каменных брусков с двумя перетяжками с оснащением лучника и процессом производства этого оснащения. Такая же ситуация характерна и для европейских материалов, где нередко бруски сочетаются с кремневыми отщепами и выпрямителями (Ondráček, Šebela, 1985. Tabl. 18, 10–13; 20, 18–20; 30; 33, 21, 24, 25; Fitzpatrick, 2011. Fig. 77; 80). Известен случай, когда вместе с кремневыми заготовками была положена явно заготовка защитной накладки, в которой не просверлили отверстия (Ondráček, Šebela, 1985. Obr. 103, tabl. 25, 15–19, 21). Еще в одном комплексе была обнаружена накладка, в которой из четырех отверстий начали сверлить только одно и не закончили (Демченко, 2009. Рис. 1, 5).

Обратим внимание еще на одну любопытную деталь. В двух погребениях ДДБК бруски с перетяжками найдены рядом с поясными роговыми крючково-планочными пряжками (рис. 2, Г, Д). Такое сочетание может быть неслучайным. И. Ф. Ковалева и соавторы отметили, что брусок и пряжка входили в единый поясной набор (Ковалева и др., 1987. С. 20). Эти факты позволяют рассмотреть вопросы закономерностей

ситуативного размещения защитных накладок в погребениях, их повседневного использования и ношения.

Интерпретация назначения каменных брусков

Как отмечено выше, в погребениях европейских археологических культур каменные бруски зачастую расположены там, где они находились при использовании по своему прямому назначению — на предплечьях умерших (Fokkens et al., 2008. Р. 112–113, fig. 2). Причем прослеживается интересная тенденция. Г. Фоккенс с соавторами собрали подборку из 30 защитных накладок из Англии, Ирландии и Центральной Европы. В восьми случаях они находились на внутренней стороне предплечья, то есть там, где они и должны располагаться при стрельбе из лука, а в 17 — на внешней. Исследователи отметили странность ситуации и сложность ее интерпретации (Ibid. Р. 116). Предложенный ими выход оказался не менее парадоксальным, чем сама ситуация. Авторы предлагают считать бруски с отверстиями, которые расположены на внешней стороне предплечья, исключительно декоративными. По их мнению, это подтверждают и размеры некоторых экземпляров, которые имеют длину больше 20 см, что якобы делает их непрактичными (Ibid. Р. 116–188). Иными словами, большая часть каменных брусков была украшением внешней части предплечья. Так они и расположили накладку на реконструкции оснащения лучника (Ibid. Fig. 10).

Подобная интерпретация вызывает вопросы. Действительно, среди накладок имеются экземпляры, очень изящно сделанные и орнаментированные в том числе бронзовыми и золотыми инкрустациями. Однако подавляющее большинство этих изделий представляет собой обычные заполированные бруски с отверстиями. Апеллирование к длине некоторых изделий как доказательству их нефункциональности неубедительно (см. далее). Действительно, как такие невзрачные изделия могут служить украшением лучника? Но всё же расположение большинства накладок на внешней стороне предплечья требовало логичного объяснения, и оно нашлось.

Путь к непротиворечивому решению проблемы предложил Я. Турек. Он выделил две позиции в ношении накладок. Первая — *ready to shoot*, что подразумевает расположение бруска на запястье во время стрельбы из лука, вторая — *presentation*,

или демонстрация декоративного бруска на внешней стороне предплечья, где он оказывался в результате поворота вокруг руки из первой позиции (Turek, 2015. Р. 37). При правильном в целом подходе исследователь всё же оставил за накладками функцию украшения в качестве одной из главных, соответственно указанное противоречие с невзрачностью подавляющего большинства изделий осталось неснятым. На наш взгляд, при правильности определения первой позиции (*ready to shoot*) вторая позиция названа неверно. Несколько перефразируя Я. Турека, назовем позицию накладки во время стрельбы из лука *боевой*, а вторую — *предбоевой*. Каменные бруски с отверстиями и перетяжками, скорее всего, крепились на кожаный нарукавник (ср.: Братченко, 1989. С. 75, 76; Fokkens et al., 2008. Fig. 10, 12, 13), который должен был смягчать отдачу от удара тетивы о накладку. Предбоевая позиция означала, что защитная пластина уже располагается на внешней стороне предплечья и в скором времени будет использована по назначению, но до наступления этого момента есть непродолжительный отрезок времени (рис. 4, 2, 5). В этот период лучник, естественно, передвигается, что-то делает и т. д. Нахождение бруска в это время в боевой позиции на запястье создает определенные неудобства. В частности, при движении брусок мог цепляться за одежду или вызывать дискомфорт при других бытовых действиях. При непосредственной стрельбе из лука лучник легко и быстро переворачивает нарукавник с накладкой вокруг предплечья и переводит в боевую позицию.

Ранее отмечено, что в двух погребениях ДВБК бруски сочетались с пряжками и входили в поясные наборы (рис. 2, Г, Д), поэтому можно предположить, что существовала и третья позиция ношения защитных накладок. Назовем ее *небоевой*⁵. При передвижении нет необходимости держать брусок в предбоевой позиции (так как ношение без нужды каменной накладки на внешней стороне предплечья тоже неудобно). В этом случае нарукавник с бруском просто снимался и цеплялся на пояс — сквозь него продевался конец ремня (рис. 4, 1, 4). Только при такой интерпретации становится понятным совместное нахождение в погребениях поясной пряжки и защитной

⁵ Во время обсуждения статьи авторы называли эту позицию «походной», но остановились на термине «небоевая».

накладки. Кроме упомянутых уже бабинских комплексов аналогичная ситуация зафиксирована в погребении 1268 могильника Аймесбэри (Amesbury) на юге Англии. Здесь предмет, который прямо назван автором поясным кольцом, назначение которого подтверждено и трасологическим анализом, располагался рядом с защитной накладкой по линии реконструируемого пояса (Fitzpatrick, 2011. Р. 77, 118–119, fig. 29; 36; 40). Известны и погребения, где защитные бруски находились на тазовых костях (Ondráček, Šebela, 1985. Obr. 43; 74; 91; Fitzpatrick, 2011. Fig. 77). Расположение накладок не в районе рук, как и в большинстве бабинских погребений, также широко представлено в европейских материалах (Jockenhövel, 1969/70. Abb. 4, 5; Ondráček, Šebela, 1985. Obr. 103; 107; 122; 131; Fitzpatrick, 2011. Fig. 28; 75). В свое время это было одним из фактов, способствующих эмоциональной констатации того, что «stone wrist-guards were not pieces of archery equipment» (каменные накладки не были предметами снаряжения для стрельбы из лука) (Smith, 2006. Р. 26). Последнее, конечно, противоречит имеющимся наблюдениям и лишь подчеркивает, что в погребальной обрядности действительность преломляется специфически, а функциональность предметов может измениться, о чем и написал Дж. Д. Смит (Ibid.).

Важно отметить, что в Европе накладки для защиты запястья являются атрибутом исключительно мужских захоронений — дополнительное свидетельство того, что эти предметы входили в систему оснащения воина. Подтверждают это и данные погребений культурного круга Бабино. Защитные накладки в комплексах Пологи (Соколовская могила), погребение 1, Приволье 11/13, Долгая Могила 4/17 и Новолакедемоновка од. кург/10 обнаружены в захоронениях мужской обрядовой группы с западными ориентировками (рис. 2, 1, 30, 44, 45). Для Жутово I 80/2 антропологических определений нет. В отчете указано, что это погребение взрослого человека (Мамонтов, 1974). С учетом вышесказанного логично предположить, что захоронение тоже мужское. Даже самое восточное погребение с защитной накладкой — из южносибирского Елунинского могильника — тоже принадлежит мужчине (Грушин, 2011. С. 217). Особый статус таких захоронений, который хорошо зафиксирован по европейским материалам (Smith, 2006; Fokkens et al., 2008; Turek, 2015), подтверждается и данными культурного круга Бабино. Все погребения,

за исключением погребения 6 Владимировского кургана, были либо основными, либо сопровождались досыпками.

Известны данные трасологии по европейским экземплярам. Они показывают, что защитные накладки были очень тщательно изготовлены. Лучше шлифовалась передняя часть, а часть, которая примыкала к предплечью, шлифовалась хуже и сохраняла следы изготовления (Fitzpatrick, 2011. Р. 105)⁶. На ряде экземпляров зафиксированы потертости от ремешков вокруг отверстий (Smith, 2006. Fig. 5.2). У некоторых изделий сломаны угловые отверстия, что свидетельствует об их регулярном использовании. Следы воздействия тетивы фиксируются редко: ее контакт с накладкой показывает участок сильной заполированности, расположенный в центре бруска (Turek, 2015. Р. 37). Часть таких накладок вообще не имеет следов использования, либо они незначительные, что предполагает скорее их символическое значение, чем функциональное. В погребальном обряде они подчеркивали особый статус лучника. Кроме того, в Англии известны каменные накладки, инкрустированные золотом (Smith, 2006. Fig. 5.1; 6.1; Fokkens et al., 2008. Р. 541). Те изделия, которые были проанализированы трасологически, не выявили следов, связанных с заточкой металлических орудий. В этой связи для таких изделий термин «оселки», который один из авторов статьи часто использовал в качестве общепринятого (Мимоход, 2004. С. 111; 2010. С. 158; 2013а. С. 171, 172; 2013б. С. 250, 271, 321; 2014. С. 113; 2018в. С. 36), необходимо употреблять только в смысле редкого вторичного использования. Действительно, на единичных экземплярах даже без специального оборудования ясно зафиксированы следы от заточки металлических инструментов, но вторичность такой функции по отношению к основной (wrist-guard) не вызывает сомнения (Harrison, 2007. Р. 105, 155, fig. 3.26; 4.28, 392, 393; Healy, Harding, 2004. Р. 185).

По метрическим параметрам защитные накладки с перетяжками и отверстиями можно разделить на три группы: 1) мелкие бруски, длиной 6–8 см; 2) бруски средних размеров, длиной

⁶ Результаты трасологического анализа полностью совпадают с наблюдениями Л. С. Ильюкова по каменной накладке из комплекса Новолакедемоновка од. кург/10 (рис. 3, 5), который писал, что «одна широкая плоскость <...> сильно заполирована» (Ильюков, 1983. С. 39).

9–12 см; 3) самые длинные бруски, длиной более 13 см. Если опираться на графики параметров каменных брусков с отверстиями, составленные А. Вудвартом и соавторами для Англии и Я. Туреком для Богемии и Моравии, то в последнюю группу входят предметы длиной 13–16 см (*Woodward et al.*, 2006. Fig. 3; *Turek*, 2015. Fig. 4.4). Известны и более крупные экземпляры длиной 20–22 см (рис. 3, 8, 20). Накладки культурного круга Бабино относятся к группе мелких изделий (рис. 3, 1–6). Такие предметы, как и изделия средних размеров, располагались на руке, защищая небольшой участок наиболее вероятного удара тетивы при стрельбе из лука (рис. 4, 7). Изделия третьей группы покрывали фактически все предплечье. Возможно, разница в длине накладок была обусловлена параметрами и/или конструкцией лука, и крупные бруски были предназначены для стрельбы из луков разных типов и/или размеров.

Экспериментальное моделирование

Для выяснения этого вопроса и правильного детального графического изображения лучника, использовавшего при стрельбе защитные приспособления, было проведено предварительное экспериментальное моделирование по изучению положения рук стреляющего и различных предметов (лук, древко стрелы, нарукавник, брусок), что, в итоге, привело к проведению некоторых опытов с натяжением тетивы и со стрельбой из моделей двух простых луков. Деревянная копия каменного бруска, изготовленного по размерам изделия из погребения раннего этапа ДДБК Приволье 11/13, привязывалась двумя тонкими кожаными ремешками к широкому кожаному нарукавнику, который зашнуровывался после надевания на предплечье левой руки. Первоначально мы попытались сделать нарукавник без шнуровки, сшив его достаточно широким, чтобы можно было продеть ладонь, но попытка оказалась неудачной, потому что в таком случае нарукавник болтался на предплечье. Шнуровка же позволила закрепить нарукавник так, что стало удобно не только носить его (рис. 4, 4, 5), но и быстро поворачивать бруском на внутреннюю сторону предплечья (рис. 4, 6, 7).

Использовались выставочные модели двух простых луков из сосны длиной 145 см и 160 см с нитяной тетивой, пропитанной клеем. Древка

стрел деревянные, длина их — до 100 см, легкие наконечники изготовлены из кремня.

При расположении нарукавника с бруском в «боевом положении» мы первоначально были озабочены тем, чтобы закрыть запястье. Однако первые же попытки выстрелить из более короткого лука показали, что тетива после выстрела бьет по незащищенному участку предплечья выше нарукавника. Луки, используемые нами, были довольно слабыми, что неожиданно оказалось преимуществом, поскольку ошибки в расположении нарукавника не привели к легким травмам (ср.: *Раевский*, 1970. С. 96, прим. 28). Методом проб и достаточно болезненных ошибок удалось выяснить правильное положение нарукавника с бруском, перемещая его выше по предплечью.

Использование модели второго лука, с более длинными плечами, показало, что положение нарукавника с бруском, безопасное для лука длиной 145 см, здесь не подходит. В итоге опыты показали, что правильное положение нарукавника с бруском можно выяснить по положению натянутой тетивы, взяв лук в руку: она должна пройти вертикально через местоположение бруска на предплечье. Расстояние тетивы от древка короткого лука составило 16,5 см — именно там мы расположили центр экспериментального бруска, закрепив нарукавник на левой руке (рис. 4, 7). Расстояние тетивы более длинного лука составило 22,5 см, что и предопределило иное его положение — нужно было смещать нарукавник выше по руке.

Помимо опытов с положением бруска на нарукавнике в боевом положении была предпринята попытка размещения нарукавника с бруском в небоевом положении на поясе (рис. 4, 1, 4)⁷. Видимо, размеры бруска и, очевидно, кожаного нарукавника напрямую зависели от размера простого лука: чем длиннее плечи такого лука, тем длиннее должен быть брусок. Короткие бруски свидетельствуют о том, что обладатели их использовали небольшие по длине луки, которые были менее мощными и дальнобойными, чем у обладателей длинных брусков. Возможен еще один вариант: намеренно сделать брусок и нарукавник длиннее, чтобы можно

⁷ В качестве пряжки использовалась модель фигурной пряжки, приближенной к экземпляру из комплекса Текстильщик (Донецк) 4/19 (рис. 4, 1, 4 — см. *Мимоход*, 2018б, рис. 2, 10).

Рис. 4. Реконструкция вариантов использования защитных накладок на предплечье лучника: 1 — небоевое положение; 2 — предбоевое положение; 3 — боевое положение. Экспериментальное моделирование вариантов использования защитных накладок на предплечье лучника: 4 — небоевое положение; 5 — предбоевое положение; 6, 7 — боевое положение

Fig. 4. Reconstruction of the variants of the use of protective mounts on the forearm of an archer: 1 — noncombat position; 2 — prior-combat position; 3 — combat position. Experimental simulation of the variants of the use of protective mounts on the forearm of an archer: 4 — noncombat position; 5 — prior-combat position; 6, 7 — combat position

было использовать разные по длине и мощности луки, не теряя время на замену защиты предплечья.

Подчеркнем, что первоначальным толчком к проведению некоторых опытов послужило желание представить в действительности будущие графические реконструкции положения защитных приспособлений. Теперь же, начав получать новые и интересные данные, авторы отдают себе отчет, что для более глубоких выводов нужно использовать специально изготовленные модели луков и прочего снаряжения лучника и проводить более продолжительные по времени и масштабные эксперименты.

В связи с проведенными экспериментами следует отметить, что английский термин *wrist-guards* и немецкий *Armschutzplatte* не совсем точно отражают с семантической точки зрения ситуативное использование защитных накладок. В первом случае речь идет о локализации бруска на вполне конкретной части руки — запястье, в то время как эксперимент показал, что как раз запястье (отдел верхней конечности между костями предплечья (лучевой и локтевой) и пястными костями) в защите при стрельбе из лука не нуждалось (рис. 4, 7). Нахождение там бруска не только не защищает от удара тетивы, но и мешает нормальному функционированию кисти, которое необходимо во время прицельной стрельбы из лука. Во втором случае, термин, наоборот, оказывается очень общим, так как подразумевает просто защиту руки без уточнения, о какой именно ее части идет речь. На наш взгляд, лучше всего суть явления, в том числе и с анатомической точки зрения, будет отражать формулировка «защита предплечья» — *forearm-guards* и *Unterarmschutzplatte*. Впрочем, замечания по поводу терминологии носят исключительно факультативный характер, потому что расположение брусков *in situ* в погребениях энеолита и начала бронзового века в Центральной и Западной Европе, сделанные на их основе реконструкции и упоминаемые этнографические данные (Fokkens *et al.*, 2008; и др.) красноречиво свидетельствуют о том, что бруски защищали именно предплечье, а не запястье. К тому же *wrist-guards* — это установившийся в археологическом сообществе термин, который используется более полувека, и менять его, для достижения однозначности понимания, не имеет смысла.

Выводы

Таким образом, каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино представляют собой четкие культурно-хронологические индикаторы. Из трех бабинских культур они известны в двух: ДДБК и ВДБК. Это закономерно, потому что бруски маркируют только фазу ПКБ I, которая включает ранние периоды этих культур. Хронология данных предметов полностью соответствует времени использования каменных накладок такого же функционального назначения в Западной и Центральной Европе, которое датируется энеолитом и началом раннего бронзового века. К периоду VzA1 относятся все погребения культурного круга Бабино с каменными брусками с двумя перетяжками. Здесь время использования этих изделий значительно короче, чем в Европе и на Ближнем Востоке, а их появление на заре становления посткатакомбного мира (XXII cal BC) связано с центральноевропейским импульсом в его формировании.

Функциональное назначение рассматриваемых предметов устанавливается четко. Это защитные накладки на предплечье лучника, которые предохраняли эту часть руки от удара тетивы. Благодаря анализу ситуативного расположения защитных накладок в погребениях, можно определить три позиции в их повседневном использовании: небоевую, предбоевую и боевую. Их выделение разрешает проблемную ситуацию, которая сложилась в связи с интерпретациями нахождения накладок на внешней и внутренней сторонах костей предплечья в погребениях, а также обнаружением их в районе таза умершего и вхождением в поясные наборы.

Экспериментальное моделирование показало, что необходимым атрибутом для закрепления защитной накладки является кожаный нарукавник со шнуровкой, благодаря которому защитный комплект легко переводится в любую из установленных позиций. Расположение на предплечье и длина бруска напрямую зависели от размеров используемого лука.

Дальнейшие перспективы работы связаны с проведением серии экспериментов по использованию аутентичных лука и защитной накладки с двумя перетяжками с целью получения на ней следов использования и сравнения их с трасологическими данными археологических находок.

- Багаев, 1986 — Багаев М. Х. Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 66–74.
- Братченко, 1989 — Братченко С. Н. Лук і стріли доби енеоліту — бронзи Півдня Східної Європи // Археологія. 1989. № 4. С. 70–81.
- Буйнов, 1992 — Буйнов Ю. В. Грунтовый могильник срубной культуры у с. Червоный Шлях на Харьковщине // История и археология Слободской Украины: Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конф., посв. XII Археологическому съезду / Отв. ред. В. В. Кравченко. Харьков: Харьковский ГУ, 1992. С. 91–92.
- Ванчугов, 1990 — Ванчугов В. П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
- Гершкович, Разумов, 2009 — Гершкович Я. П., Разумов С. Н. «Аномальный» комплекс заключного периода позднего бронзового века с Северного Причерноморья // Взаємозв'язки культур епохи бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи: Збірка наукових праць на пошану Л. І. Крушельницької / Ред. В. В. Отрощенко. Київ; Львів: ІА НАНУ, 2009. С. 132–139.
- Грушин, 2011 — Грушин С. П. К вопросу об использовании транспортных средств населением Алтая в эпоху ранней бронзы // Тр. III (XIX) ВАС / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК, 2011. Т. I. С. 216–218.
- Демченко, 2009 — Демченко Т. Памятники типа Коржеуц в контексте истории Центральной и Восточной Европы раннего бронзового века // *Tyragetia*. N. S. 2009. Vol. III (XVIII), nr. 1. P. 9–30.
- Ильюков, 1983 — Ильюков Л. С. Курган у села Новолакедемоновка // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа: Сб. ст. / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов н/Д.: Ростовский ГУ, 1983. С. 34–40.
- Ильюков, Казакова, 1980 — Ильюков Л. С., Казакова Л. М. Миусские курганы // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 108.
- Ильюков, Казакова, 1988 — Ильюков Л. С., Казакова Л. М. Курганы Миусского полуострова. Ростов н/Д.: Ростовский ГУ, 1988. 168 с.
- Кирюшин, 2002 — Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2002. 294 с.
- Кирюшин и др., 2010 — Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации: Сб. ст. к 80-летию В. И. Сарияниди / Ред. П. М. Кожин и др. СПб.: Алетей, 2010 (Тр. Маргианской археологической экспедиции). С. 552–566.
- Клочко, 2006 — Клочко В. І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ: АртЕк, 2006. 337 с.
- Ковалева и др., 1987 — Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н., Шахров Г. Н. Исследование курганов группы «Долгой Могины» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и железного веков Поднепровья: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский ГУ, 1987. С. 5–27.
- Литвиненко, 1997 — Литвиненко Р. А. Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: Матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару / Ред. Ю. М. Бровендер и др. Київ; Вороніж; Перевальск: ІА НАНУ, 1997. С. 29–33.
- Литвиненко, 2006 — Литвиненко Р. А. Днепр-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // МДАСУ. Луганськ, 2006. № 5. С. 157–187.
- Литвиненко, 2007 — Литвиненко Р. О. Статевікова диференціація в поховальному обряді бабинських культур // МДАСУ. Луганськ, 2007. № 7. С. 156–172.
- Литвиненко, 2009а — Литвиненко Р. О. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток: Рукопис дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.04 / Інститут археології, НАН України // Архів ІА НАНУ. № 879.
- Литвиненко, 2009б — Литвиненко Р. О. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток): Автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.04 / Інститут археології, НАН України. Київ: б. и., 2009. 32 с.
- Мамонтов, 1974 — Мамонтов В. И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского областного отделения ВООПИК в Каланчаевском, Октябрьском, Суровкинском, Средне-Ахтубинском, Иловлинском районах Волгоградской области на сезон 1974 г. // НОА ИА РАН. Р. 1. № 5402, 5402а.
- Мимоход, 2004 — Мимоход Р. А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Материалы I Междунар. Нижневолжской археол. конф. / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2004. С. 108–114.

- Мимоход*, 2005 — *Мимоход Р. А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України / Гол. ред. В. В. Отрощенко. Луганськ: Шлях, 2005. С. 70–74.
- Мимоход*, 2010 — *Мимоход Р. А.* Хронология криволукской культурной группы // XVIII Уральское археологическое совещание / Науч. ред. Г. Т. Обыденнова и др. Уфа: Башкирский гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2010. С. 158–160.
- Мимоход*, 2013а — *Мимоход Р. А.* Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание и дефиниции // АБЕС. 2013. Вып. 10. С. 167–179.
- Мимоход*, 2013б — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 16). 568 с.
- Мимоход*, 2014 — *Мимоход Р. А.* Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 100–119.
- Мимоход*, 2016 — *Мимоход Р. А.* Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: Материалы Международ. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Отв. ред. М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Чеченский ГУ, 2016. С. 45–47.
- Мимоход*, 2018а — *Мимоход Р. А.* Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева / Ред. А. А. Выборнов и др. Самара: Самарский гос. социально-педагогический ун-т, 2018. С. 140–144.
- Мимоход*, 2018б — *Мимоход Р. А.* Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний // АВ. 2018. № 24. С. 249–275.
- Мимоход*, 2018в — *Мимоход Р. А.* Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н. э. // РА. 2018. № 2. С. 33–48.
- Мимоход*, 2021 — *Мимоход Р. А.* Хронология и периодизация волго-донской бабинской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2021. Вып. 9. С. 69–91.
- Николаева*, 2011 — *Николаева Н. А.* Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Московский гос. областной ун-т, 2011. 557 с.
- Отрощенко*, 2001 — *Отрощенко В. В.* Проблемы периодизации культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: ІА НАНУ, 2001. 288 с.
- Отрощенко*, 2011 — *Отрощенко В. В.* Міркування щодо одного «аномального» тексту // Магістеріум. Археологічні студії. Київ, 2011. Вип. 45. С. 14–18.
- Попандопуло*, 1991 — *Попандопуло З. Х.* Курган «Сokolовский» у города Пологи // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1991. Вып. II. С. 66–76.
- Раевский*, 1970 — *Раевский Д. С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеология царства Атея // СА. 1970. № 3. С. 90–101.
- Санжаров*, 2008 — *Санжаров С. Н.* Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. Луганск: Изд-во Восточно-украинского нац. ун-та им. В. И. Даля, 2008. 88 с.
- Смирнов*, 1983 — *Смирнов Ю. А.* Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона: Материалы работ Донской экспедиции / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1983. С. 164–187.
- Ткачев*, 2002 — *Ткачев А. А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. В 2 ч. Тюмень: Тюменский гос. нефте-газовый ун-т, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Bóna*, 1975 — *Bóna I.* Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. Budapest: Akadémia Kiadó, 1975. 317 S.
- Clarke*, 1970 — *Clarke D. L.* Beaker pottery of Great Britain and Ireland. Cambridge: University Press, 1970. Vol. 1. 280 p.
- Endrődi*, 2003 — *Endrődi A.* The Late Phase of the Bell Beaker — Csepel Group in Hungary // The Northeast Frontier of Bell Beakers / Eds. J. Czebreszuk, M. Szymt. Oxford: Basingstoke Press, 2003. P. 265–276.
- Fitzpatrick*, 2011 — *Fitzpatrick A. P.* The Amesbury Archer and the Boscombe Bowmen. Bell Beaker burial at Boscombe Down, Amesbury, Wiltshire. Aberystwyth: Cambrian Printers, 2011. 278 p.
- Fokkens et al.*, 2008 — *Fokkens H., Achterkamp Y., Kuijpers M.* Bracers or Braselets? About the Functionality and Meaning of Bell Beaker Wrist-guards // Proceedings of the Prehistoric Society. 2008. Vol. 78. P. 109–140.
- Gebers*, 1978 — *Gebers W.* Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelrheingebiet. Katalog. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1978. 192 S.
- Gramsch*, 1995 — *Gramsch A.* Sizilien // Das Glockenbecher-Phänomen ein Seminar. Freiburger Archäologische Studien. 1995. Nr. 2. S. 293–307.

- Guy, 1938 — Guy P. L. O. Megiddo Tombs. Chicago: University of Chicago Press, 1938. 224 p.
- Harrison, 1977 — Harrison R. J. The Bell Beaker Cultures. Cultures of Spain and Portugal. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 257 p.
- Harrison, 1980 — Harrison R. J. The Beaker Folk. Copper Age archaeology in Western Europe. London: Thames and Hudson, 1980. 176 p.
- Harrison, 2007 — Harrison R. J. Majaladares. A Bronze Age Village of Farmers, Hunters and Herders. Rahden/Westf., 2007 (Internationale Archäologie; Bd. 107). 209 p.
- Healy, Harding, 2004 — Healy F., Harding J. Reading a Burial: The Legacy of Overton Hill // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge / Eds. A. Gibson, A. Sheridan. Stroud: Tempus, 2004. P. 176–193.
- Heyd, 1998 — Heyd V. Die Glockenbecherkultur in Süddeutschland. Zum Stand der Forschung einer Regionalprovinz entlang der Donau // Some New Approaches to the Bell Beaker “Phenomenon”. Lost Paradise? Proceedings of the 2nd Meeting of the “Association Archéologie et Gobelets” Feldberg (Germany), 18th–20th April 1997 / Eds. M. Benz, S. v. Willigen. Oxford: Biddles Ltd., 1998 (BAR Internat. Ser.; 690). P. 87–106.
- Jockenhövel, 1969/70 — Jockenhövel A. Die frühbronzezeitlichen Gräber // Fundberichte aus Hessen / Ed. O.-H. Frey. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1969/70. Jahr. 9/10. S. 56–68.
- Kenyon, 1960 — Kenyon K. M. Excavations at Jericho. The Tombs excavated in 1952–4. London: British School of Archaeology in Jerusalem, 1960. Vol. I. 583 p.
- Kenyon, 1965 — Kenyon K. M. Archaeology in the Holy Land. London: E. Benn Ltd., 1965. 328 p.
- Kenyon, 1981 — Kenyon K. M. Excavation at Jericho. The Architecture and Stratigraphy of the Tell. London: British School of Archaeology in Jerusalem, 1981. Vol. III. 540 p.
- Kenyon, Holland, 1983 — Kenyon K. M., Holland T. A. Excavations at Jericho. Vol. V. The Pottery Phases of the Tell and Other Finds. London: British School of Archaeology in Jerusalem, 1983. 864 p.
- Klochko, 2001 — Klochko V. I. Weaponry of societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000–700 BC // Baltic-Pontic Studies. 2001. Vol. 10. P. 167–195.
- Köster, 1966 — Köster C. Beiträge Endneolithikum und zur Frühen Bronzezeit am nördlichen Oberrhein // Prähistorische Zeitschrift. 1966. Bd. XLIII/XLIV. S. 2–95.
- Loze, 2003 — Loze I. The Lubāns, North Belarusian and Šagara Cultures as an Eastern Phenomenon of an Eneolithic Cultural Unit // The Northeast Frontier of Bell Beaker / Eds. J. Czebreszuk, M. Szmyt. Oxford: Basingstoke Press, 2003. P. 123–136.
- Machnik, 1987 — Machnik J. Kultury z przełomu eneolitu i epoki brązu w Strefie Karpackiej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1987. 187 p.
- Makarowicz, 2003 — Makarowicz P. Northern and Southern Bell Beaker in Poland // The Northeast Frontier of Bell Beaker / Eds. J. Czebreszuk, M. Szmyt. Oxford: Basingstoke Press, 2003. P. 137–155.
- Müller-Karpe, 1974 — Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit. München: C. H. Beck, 1974. Bd. III/1–3. 1095 S.
- Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch., 1997 — Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch. Franzhausen, das frühbronzezeitliche Gräberfeld I. Materialvorlage. Wien: Verlag Ferdinand Berger & Söhne Ges, 1997 (Fundberichte Österreichs Materialehefte A5/1–2). Teil I, II. 612 Taf.
- Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch., 1998 — Neugebauer J.-W., Neugebauer Ch. Zum Forschungsstand der Glockenbecherkultur in Österreich // Tradition und Innovation. Prähistorische Archäologie als historische Wissenschaft. Festschrift für Christian Strahm / Hrsg. B. Fritsch u. a. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 1998 (Studia honoraria; Bd. 3). S. 307–324.
- Ondráček, Šebela, 1985 — Ondráček J., Šebela L. Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově (katalog nálezů) // Studie Muzea Kroměřížska. Gottwaldow, 1985. S. 2–130.
- Peška, 2004 — Peška J. Zlaté ozdoby z hrobů Kultury se šňůrovou keramikou na Moravě // Einflüsse und Kontakte alteuropäischer Kulturen. Festschrift für Josef Vladár zum 70 Geburtstag / Hrsg. J. Batora et al. Nitra: Archäologische Institut der Slowakischen Akademie der Wissenschaften, 2004. S. 93–138.
- Pittioni, 1954 — Pittioni R. Urgeschichte des österreichischen Raumes. Wien: Franz Deuticke, 1954. 854 S.
- Sangmeister, 1964 — Sangmeister E. Die schmalen “Armschutzplatten” // Studien aus Alt-Europa. Köln; Graz, 1964. T. I. S. 93–122.
- Sangmeister, 1974 — Sangmeister E. Zwei Neufunde der Glockenbecherkultur in Baden-Württemberg // Fundberichte aus Baden-Württemberg. Stuttgart: E. Schweizerbartische Verlagsbuchhandlung, 1974. Bd. 1. S. 103–137.

- Schliemann*, 1881 — *Schliemann H.* Ilios. Stad und Land der Trojaner. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1881. 880 S.
- Schlosser*, 1995 — *Schlosser I.* Süddeutsche Gruppe: Bayern // Das Glockenbecher-Phänomen. Freiburg: Universität Freiburg, 1995 (Freiburger Archäologische Studien; Nr. 2). S. 74–95.
- Smith*, 2006 — *Smith J.* Early Bronze Age stone wrist-guards in Britain: Archer's bracer or social symbol? Available at: <http://www.geocities.com/archchaos1/article1/1.htm> (accessed 25.02.2021).
- Turek*, 2013 — *Turek J.* Echoes and Traditions of the Bell Beaker Phenomenon // From Copper to Bronze. Cultural and Social Transformation at the Turn of the 3rd/2nd Millennia B.C. in Central Europe / Hrsg. M. Bartelheim et al. Langenweissbach: Beier & Beran, 2013 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas; Bd. 74). S. 9–23.
- Turek*, 2015 — *Turek J.* Bell Beaker stone wrist-guards as symbolic male ornament. The significance of ceremonial warefare in 3rd millennium BC Central Europe // The Bell Beaker transition in Europe. Mobility and local evolution during 3rd millennium BC / Eds. V. P. P. Martinez, L. Salanova. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2015. P. 28–40.
- Woodward et al.*, 2006 — *Woodward A., Hunter J., Ixer R., Roe F., Potts P. J., Webb P. C., Watson J. S., Jones M. C.* Beaker age bracers in England: sources, function and use // *Antiquity*. 2006. Vol. 80, no. 309. P. 530–543.

Stone bars with two constrictions in burials of the Babino cultural circle within the context of archer's outfit in the western part of the Old World

R. A. Mimokhod, A. N. Usachuk, A. V. Verbovskiy⁸

This paper examines a rare type of finds in the Babino cultural circle — stone bars with two constrictions. They are distinct cultural and chronological markers. In Eastern Europe, bars of this kind are known only among materials from the Dnieper-Don and Volga-Don Babino cultures while the time of their use was limited to within the 22nd century cal BC, i. e. they mark only the phase of the Post-Catacomb Block I which comprises the earliest periods of these cultures. The chronology of these objects corresponds completely to the time of the use of stone mounts of the same functional purpose in Western and Central Europe where they are dated to the Eneolithic and beginning of the Early Bronze Age or to within period BzA1. In the cultural circle of Babino, the span of the use of stone bars with two constrictions was considerably shorter than in Europe and the Near East, while their appearance at the dawn of the establishing of the post-Catacomb world (22nd cen. cal BC) was due to the Central-European pulse in the latter's formation. The functional purpose of the objects under consideration is distinctly identifiable. These are mounts on the forearm of an archer which protected this part of the arm from the shock of the bow string. Through analysis of the arrangement of the protective mounts in the burials it is possible to define three cases of their everyday use: noncombat, prior-combat and fighting situations. Experimental simulation has shown that a necessary attribute for fixing the protective mount was represented by a leather oversleeve with lacing enabling to put the protective set into any of the desired positions. The arrangement on the forearm and the length of the bar depended directly on the size of the employed bow. Further studies must include a series of experiments on the use of authentic bows and protective mounts in order to obtain on them traces of wear and compare the latter with tracewear evidence of archaeological finds.

⁸ Roman Mimokhod — Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences; Dm. Ulyanova ul., 19, Moscow, 117292, Russia; e-mail: mimokhod@gmail.com. Anatolii Usachuk, Andrei Verbovskii — Donetsk Museum of Local Lore; ul. Chelyuskintsev, 189-A, Donetsk, 283048, Ukraine; doold@mail.ru, verbovskiy@ro.ru.